Текст · 1 июня 2023, 07:14
Анна Павлова,

«Нас просто вычеркивают». Трансгендерным россиянам запретят смену документов и медицинские операции — к чему это приведет?

30 мая в Госдуму внесли законопроект, который предполагает полный запрет «медицинских вмешательств», связанных с трансгендерным переходом, и запрет на «государственную регистрацию смены пола без операций», то есть смену гендерного маркера в документах. Его авторами стали 400 депутатов всех фракций. Они уверены, что закон защитит российское общество «от деструктивного информационно-психологического воздействия» и укрепит традиционные ценности. «Медиазона» поговорила с экспертами, специализирующимися на помощи трансгендерным людям, о том, к чему приведет принятие закона.

Депутаты Госдумы предложили внести изменения в федеральные законы «Об актах гражданского состояния» и «Об охране здоровья» — последний хотят дополнить статьей 45.1 под названием «Запрет смены пола человека».

Если закон будет принят, медикам запретят проведение «медицинских вмешательств, направленных на смену пола человека, в том числе формирование у человека первичных и (или) вторичных половых признаков другого пола». Операции, связанные с лечением «врожденных

физиологических аномалий формирования пола», будут допускать только по решению врачебных комиссий — их формированием займется правительство.

С другой стороны, трансгендерным людям собираются запретить смену гендерного маркера в документах без «хирургических вмешательств», о чем месяц назад сообщали российские чиновники.

Анна Е. — фем-квир-активистка, гендерная исследовательница.
Ева-Лилит Цветкова — врач-эндокринолог, медицинская журналистка, член **WPATH**[1];

специализируется на гендерно-аффирмативной помощи и преподает врачам и помогающим специалистам на курсах повышения квалификации по ведению трансгендерных пациентов.
Максим Гольдман — директор по внутренним коммуникациям инициативной группы помощи трансгендерным и небинарным людям «Центр Т».

Согласно проекту закона, в России станет в принципе невозможна официальная смена гендерного маркера?

Анна Е. Формулировки, которые сейчас есть у законопроекта, достаточно сырые. Они противоречат в том числе конституционным правам человека в сфере здравоохранения, потому что они, по сути, полностью исключают ныне существующий

психиатрический медицинский диагноз F64.0[2], по которому трансгендерным людям нужно оказывать помощь. По такому закону людям — просто по причине их статуса — будет отказано в получении медицинской помощи.

Гольдман. Если следовать их логике, получается так. Первое: запретить смену документов без операции. Второе: запретить хирургическое вмешательство. Равно: документы нельзя сменить.

Это было ясно с самого начала или казалось, что запретят только смену документов?

Цветкова. Эта риторика постепенно нарастала в ходе обсуждений. Правозащитницы и активистки, которые следили за всякими депутатскими и провластными каналами, видели нарастание этой риторики, но все равно, конечно, в это было сложно поверить.

Гольдман. Изначально мы думали, что намерение — только о смене документов без проведенных операций. То есть откат к прежней системе юридического перехода, когда фактически суд определяет право человека на смену документов, оглядываясь на медицинские аспекты перехода (гормонотерапия, операции).

Это, конечно, сильно скажется на большинстве транслюдей, кто планирует и тем более уже начали гормонотерапию. С операциями может быть проще, так как это по большей части разовое мероприятие,

которое возможно за рубежом. А вот гормонотерапия пожизненна.

Пока в проекте не упоминают гормональную терапию. Она тоже окажется под запретом?

Анна Е. По этому законопроекту она оказывается под запретом: гендерно-аффирмативная-[3] заместительная гормональная терапия по сути

и есть медицинское вмешательство, нацеленное на изменение вторичных половых признаков. Если, предположим, человек без смененных документов приходит к эндокринологу, эндокринолог не может ему ничего выписать по этому закону. Там ведь очень четко написано: и первичных, и вторичных половых признаков.

Гольдман. Термин «медицинское вмешательство» очень обтекаемый. Пока непонятно, что понимают под ним законотворцы. Если она попадет под запрет, это затруднит работу эндокринологов и гинекологов, потому что цисгендерным людям, как женщинам, так и мужчинам, иногда тоже требуется гормонотерапия. Даже гормональная контрацепция ставится под вопрос, потому что пока эти препараты продаются без рецепта (в отличие от тестостерона, к примеру), будут ли введены рецепты? Как врачи будут отслеживать истинную цель приема контрацептивов: против беременности или в качестве феминизирующей гормонотерапии?

Что будет с трансгендерными людьми в России после принятия этого закона?

Анна Е. Это сделает шанс на интеграцию трансгендерных людей в общество крайне низким. Они не смогут нормально устроиться на работу, не смогут получить финансовую автономию, не смогут жить самостоятельно, не смогут получать помощь. Это значит, что они будут зависимы от государства, от организаций.

Это означает катастрофическое ухудшение качества их жизни, постоянное присутствие в ней крайне существенных рисков. Многие трансгендерные люди живут с трансфобными родственниками и зависят от них. Они находятся в конфликтогенной, опасной для эмоционального и психического состояния среде и не могут выйти из нее.

Будет увеличиваться количество приговоров трансгендерным людям, потому что они будут вынуждены заниматься нелегальной или полулегальной работой вроде секс-работы и так далее.

Увеличится количество суицидов, причем очень значительно. Конечно, это очень страшная ситуация, она бьет по базовым правам человека.

Цветкова. Этот закон приведет к системной дискриминации, которая и так существует и будет дополнительно закреплена на государственном уровне. А это может привести к усложнению и так существующих барьеров к получению надлежащего

качества медицинской помощи трансгендерными и небинарными людьми, вплоть до непреодолимых.

Это дополнительное закрепление институциональной трансфобии и, скажем так, поощрение социальной трансфобии. Что этот законопроект, что принятый в 2022 году так называемый закон об «ЛГБТ-пропаганде» среди взрослых ведут и будут приводить дальше к росту количества преступлений на почве ненависти.

Если люди не будут иметь возможность получить доступ к гендерно-аффирмативной помощи, то их гендерная дисфория[4] и связанные с ней состояния, такие как депрессия, тревожное расстройство, суицидальное поведение, самоповреждающее поведение, будут усугубляться.

Но нужно принимать во внимание огромный потенциал активистского сообщества. Я уже наблюдаю беспрецедентный уровень сопротивления, взаимопомощи, взаимоподдержки и сплоченности внутри сообщества. Я предполагаю, что будут изобретаться какие-то способы оказания медицинской помощи, несмотря ни на что. Поэтому я абсолютно верю: что бы ни пытались с нами сделать, нам есть что им противопоставить.

Почему этот закон принимают именно сейчас, вслед за другими репрессивными законами против ЛГБТК+?

Анна Е. Понимания феномена трансгендерности долгое время у нынешней власти просто не было. Когда тема ЛГБТК+ стала популярной и когда маховик репрессий стал раскручиваться, оставалось лишь вопросом времени, когда они догадаются, что трансгендерные люди — самые уязвимые с точки зрения связей с государством: они напрямую зависят от комиссий, от смены документов. Комиссии лицензирует государство, смену документов проводит государство, определяет стандарты медицинской помощи государство.

Они узнали, что обладают статистикой — у государства есть списки людей, которые меняли документы. Среди представителей ЛГБТ лучше всего государство осведомлено о трансгендерных людях.

Цветкова. На этот счет есть несколько теорий. Так, этот закон сейчас очень попадает в западную тенденцию антитранс-законов, которые активно принимаются в ряде стран, например во многих штатах США, но там есть некая политическая подоплека. Это способ определенных политиков получить одобрение у определенной категории электората — консерваторов и ультраправых. Это не совсем аналогично ситуации в России, потому что маловероятно, что здесь требуется какая-то еще поддержка электората: тем, кто и так поддерживает, не требуются какие-то дополнительные стимулы.

В части источников говорится, что этот закон принимается для того, чтобы сделать приятно конкретно Путину, которого очень возбуждает вся гендерная тема, и большинство шуток, если можно

так сказать, этого человека посвящены именно тематике трансгендерных и небинарных людей.

Также я могу предположить, что это такой финальный гвоздь в отношении ЛГБТК+ людей.

Гольдман. Я уверен, что это отвлечение внимания — известно от чего. Людей, для кого транслюди — неведомы зверушки, для тех, кто о нас и не слышали ни разу, учат ненавидеть нас. ЛГБТ-повестка отлично ложится на обоснование демографией, но если копнуть глубже, становится ясно: такой дискриминационный закон лишь навредит как части людей, так и всему государству. А именно оттоком людей из страны, суицидальными рисками, несчастными нелюбимыми детьми, рожденными принужденно, понижением доступности рабочих мест и медицины. Пусть нас и меньшинство в сравнении с цис-людьми, но мы тоже часть народа. И нас просто вычеркивают, как мусор. Что-то напоминает, да?

Что говорят депутаты о своей инициативе

В пояснительной записке депутаты утверждают, что в России развита «индустрия смены пола», которая включает в себя «недобросовестных врачей, психологов, развитую сеть ЛГБТ-организаций и активистов». «Всю свою разрушительную активность они направляют на подростков и молодежь», — пишут авторы законопроекта. Следом они напоминают, что Конституцией «предусмотрено только два пола — мужчины и женщины», а «"промежуточные" и "дополнительные" варианты полов или "гендеров", категории вроде

"родитель № 1" и "родитель № 2" не предусмотрены, как не предусмотрена и возможность "изменения пола"».

Авторы закона утверждают, что сейчас «без каких-либо препятствий» получить справку, на основании которой можно поменять гендерный маркер, «можно во многих частных клиниках по всей России», а стоит она, по их мнению, до 30 тысяч рублей. Ссылаются депутаты и на статистику МВД, согласно которой число обратившихся за заменой паспортов граждан выросло со 142 в 2016 году до 996 в 2022-м.

Один из авторов проекта, депутат Петр Толстой, говорил, что этой инициативой парламентарии ставят «барьер на пути проникновения западной антисемейной идеологии».

Появились ли уже какие-то сложности у людей, которые находятся в процессе смены гендерного маркера или трансперехода?

Анна Е. Пока слишком рано говорить об этом. Мы точно можем сказать, что в первую очередь начинают перестраховываться врачи. Законопроекта еще даже не было, но после слов Чуйченко врачи, которые оказывали поддержку, стали отказываться от своего лейбла транс-френдли специалистов. Пока их единицы, но и врачей, которые хотят и могут помогать трансгендерным людям в России, единицы. Если единицы накладывать на единицы, это становится очень значимым.

Цветкова. Пока законопроект еще не принят, все работает в соответствии с действующим законодательством. А что касается сложностей в принципе, то они всегда были и есть. Это сложности, связанные с недостаточным количеством медицинских специалистов, помогающих специалистов, ориентированных в данной теме. Но пока они существуют в том же количестве, в котором они были до этого. Более того, за последние годы сделано очень много для того, чтобы появлялось больше компетентных специалистов и помощь была в целом качественнее.

Гольдман. Происходит паника. Люди экстренно проходят комиссии по половой переориентации, меняют документы. Для некоторых законопроект стал еще одним толчком к миграции из России. Нас всех гложет неизвестность будущего, которое наверняка совсем не радужное. Нам больно, нам страшно, нам обидно. И нам сейчас очень нужна поддержка. Будь то добрые слова знакомым транслюдям в личном разговоре или разговор по душам, будь то сопровождение в разные инстанции для поддержки в смене документов или походе к врачам или донаты организациям, кто целенаправленно помогает транслюдям и знает, что и как нужно делать в той или иной ситуации.

Правозащитники, помогающие ЛГБТК+, говорили, что из-за войны, мобилизации и новых репрессивных законов сильно возросло число

обращений за консультациями. Так ли это сейчас?

Анна Е. Ситуация с военными действиями, очевидно, сказалась на трансгендерном сообществе, как и на всей стране. Но особенно она влияет на тех, кто дополнительно стигматизирован, кто как группа уязвим больше. Риски, которые есть в случаях неправомерной мобилизации, вдвойне сказываются на трансгендерных людях. Потому что отношение к таким людям системно негативное.

За последние несколько месяцев к нам поступило больше полутысячи заявок на поддержку, юридическую помощь и все прочее. Это только в контексте тех правозащитных и транс-организаций, в которых работаю я.

Цветкова. Естественно, на фоне кризиса общества, репрессивных законов, мобилизации, войны много людей обращаются за равными консультациями (это консультации в формате «равный равному», которые в транс- и небинарных организациях оказывает человек с [похожим] опытом) в помогающей организации. За юридическими консультациями, за консультациями по эмиграции. Сейчас количество запросов, естественно, возрастает.

Как сейчас вы помогаете трансперсонам? Что можно успеть сделать до принятия закона?

Анна Е. Мы стараемся заниматься в том числе адресной помощью, потому что сейчас она

наиболее востребована. Если раньше мы занимались видимостью, представленностью, репрезентацией, повышением квалификации специалистов, то сейчас мы фокусируемся на запросах внутри сообщества. Это на самом деле ужасно, потому что чем больше таких запросов, тем, следовательно, меньше для этих людей возможна самостоятельность. Мы занимаемся психологической и юридической помощью. Как бы ни представляли нас люди из Госдумы, у нас нет миллионных грантов от Госдепа. Мы действуем на очень ограниченные средства, помогаем только в самом необходимом.

Цветкова. Все организации помогают так, как они могут: часть открыли дополнительные группы поддержки, чтобы люди могли приходить поддержать себя, поддержать друг друга, стали предоставлять больше бесплатных консультаций с психологами. Важно сохранить себя, свою стабильность. Чтобы когда-нибудь получить гендерно-аффирмативную помощь, надо дожить до этого момента.

Сейчас существует проект, организованный тремя организациями, которые помогают с оплатой медицинских комиссий тем, кому не хватает на это финансов. За это время уже успели помочь достаточно большому количеству людей. То, что сейчас можно успеть сделать, — это пройти комиссию, пока они еще работают, и поменять документы. А если кто-то давно откладывали операцию, то сейчас самое время ее сделать.

Гольдман. «Центр Т» организовывает бесплатные группы поддержки от наших психологов,

помогает пройти комиссии, делится информацией, поддержкой, «чувством локтя» в наших 122 чатах по всей стране и за ее пределами, держит в курсе всех новостей благодаря нашей медиакоманде, оказывает посильную волонтерскую помощь по бытовым вопросам, в сопровождении и так далее благодаря людям из службы взаимопомощи.

Глава СК утверждал, что смена гендерного маркера — это «обман», а «Вести» рассказывали о клинике, якобы помогающей цисгендерным мужчинам таким образом избежать призыва. Очевидно, на самом деле такого не было, но какие есть риски у трансперсон в связи с мобилизацией?

Анна Е. У нас есть истории о том, что трансгендерных женщин до смены документов призывали. Этих кейсов не сотни, но десятки. Люди не меняли документы и, соответственно, оставались в базах военкоматов. Кто-то боялся дискриминации и дедовщины — того, что если они будут говорить о своем статусе, их, наоборот, скорее пошлют туда, где они быстрее погибнут. Мы не можем проследить эти истории, но догадываемся, что какие-то из них с печальным концом.

Цветкова. Это, конечно, очень забавная риторика про нарушение обороноспособности России. Для меня это звучит как какое-то крайне неадекватное высказывание, как и многие из их прочих высказываний.

Ситуация с теми, кому угрожает мобилизация, обстоит плохо. Когда была объявлена мобилизация, достаточно многие люди, не поменявшие документы или поменявшие, но имеющие военно-учетную специальность, в общем, так или иначе подпадающие под эту мобилизацию, уехали из страны. Для ряда людей это стало причиной для того, чтобы не заниматься сменой документов прямо сейчас, потому что это просто небезопасно для них.

Трансгендерные люди, которые оказывались в военкомате, практически в 100% случаев сталкивались с дискриминацией и трансфобией. С них требовали (даже у людей, получивших справку, прошедших комиссии, поменявших документ), например, месяц лежать в психиатрическом стационаре, чтобы подтвердить свой диагноз, и подобные совершенно нерелевантные вещи.

В общем, возвращаясь к высказываниям Бастрыкина, это вообще даже не выглядит как какой-то релевантный предлог. Я не знаю цисгендерных мужчин, которые бы пошли на все траты, связанные со сменой гендерного маркера, и риски для жизни [чтобы не попасть под призыв]. Предполагать даже, что кто-то на это пойдет, просто смешно.

Гольдман. Априори по закону (на сегодняшний день) транслюди не служат. Трансфеминные —

из-за женского гендерного маркера в документах, а трансмаскулинным могут ставить несколько причин в «негодность». Это психиатрия («диагноз» F64.0), хирургия (отсутствие полового члена), эндокринология (пожизненная гормонотерапия). Но бывали случаи, особенно после старта мобилизации, когда трансмаскулинных людей пытались забрать в армию либо трансфеминным отказывали в снятии с учета; в обоих случаях могли требовать каких-то дополнительных комиссий, проверок, обследований от «своих». В военкоматах, кажется, вообще свои законы работают.

Позицию Минздрава по этому вопросу считали ключевой, но официально она так и не была сформулирована. Как на законопроект реагирует сообщество врачей?

Анна Е. Те, которые хотя бы как-то помогали трансгендерным людям, стараются, чтобы их как специалистов услышали. Услышали, что эта инициатива — неверный путь, очень опасный для их пациентов.

Я могу сказать, что медицинских специалистов привлекали к обсуждению этого проекта. Как выяснилось, к ним не прислушались. Есть специалисты, известные своим радикальным, скажем так, ограничивающим взглядом, которые тем не менее не согласны с полным запретом возможности смены документов и доступа к гендерно-аффирмативным медицинским процедурам: специалисты могут по-разному

относиться к количеству тех людей, которых они считают трансгендерными, но большинство из них действительно видят необходимость такой помощи.

Нынешняя норма считалась оптимальным вариантом, и как бы ни представляли это наши депутаты, эта норма отнюдь не была легкой во многих аспектах. Но она оставалась достаточно сбалансированной с точки зрения доступности.

Цветкова. Все адекватные врачи, которых я знаю, естественно, ужасаются от этого законопроекта, пишут письма в тот же Минздрав и всячески выражают свой протест по поводу этой законодательной инициативы. Естественно, наряду с адекватными всегда будут и неадекватные люди. Как правило, это трансфобные специалисты.

И да, Минздрав, к сожалению, пока так и не высказал ничего по этому поводу. В неофициальных источниках они обозначали свое отрицательное отношение, но тем не менее публично не высказали его.

Гольдман. Насколько мне известно, заочно большинство медиков поддерживают транс-сообщество, понимая всю абсурдность и людоедство законопроекта. В большинстве своем людям в принципе нет дела до ЛГБТ-сообщества, и если сталкиваются с таким человеком впервые, то реагируют с интересом и/или удивлением без негатива. Многие вообще не знают о нашем существовании. А врачи, которые о нас осведомлены, поддерживают нас.

Со стороны чиновников звучали призывы «лечить» трансперсон — отправлять их на конверсионную терапию[5]. Реальна ли угроза принудительной терапии?

Анна Е. В краткосрочной перспективе реализовать подобное будет, скорее всего, невозможно. Очевидно, что если это будет проводиться, то будет использоваться как медиаповод, как имиджевый ресурс для политиков. И как раз сейчас по реакции общественности они, я думаю, в том числе оценивают перспективность будущих вложений в такие репрессивные, карательные, но, к счастью, дорогие проекты.

Те процессы, которые происходят, на самом деле говорят не только о правах ЛГБТ-людей в широком смысле, но и о правах в целом гражданского общества — о правах тех, кто в любой момент в глазах этого государства может оказаться «не таким». В будущем претензии могут возникнуть к этническим и языковым меньшинствам, ко всем людям, которых государство может считать неблагонадежными.

Цветкова. Я думаю, угроза конверсионной терапии вполне реальна. Она вполне себе существует в России в настоящий момент. Посмотрите отчет МКЦ о конверсионной терапии в России за 2021 год, и вы увидите, какие там колоссальные цифры.

Лично я за последние четыре недели услышала как минимум от двух трансгендерных людей истории об их личной конверсионной терапии, и это

все происходило за последние несколько месяцев. Естественно, это было не их решение, их насильно туда отправляли.

Если это будет еще и законодательно оправдано, то эти риски будут возрастать.

Гольдман. Меня удивляет, как сильно наша страна открещивается от МКБ-11, принятой ВОЗ, где трансгендерность указана как одно из нормальных состояний, требующих медицинской помощи при необходимости.

Конверсионная терапия противоречит новой МКБ. Нельзя вылечить то, что не является болезнью. Как это может развиваться законодательно? Вероятно, это будет касаться несовершеннолетних персон, которые находятся не в своей ответственности, а родительской. Потому что совершеннолетних дееспособных людей по закону нельзя заставить проходить лечебные процедуры, если речь не идет об угрозе жизни и здоровью своему и окружающих. То есть для конверсионной терапии фактически нужно признать транслюдей невменяемыми, что противоречит действительности.

Возможно, будут открыты частные «лечебницы» для подростков, но не уверен, что это разовьется быстро. Но если случится, то это будет очередной откат в истории государства. Деградация, которая, как известно, ничего хорошего не приносит.

Редактор: Мария Климова

1. Всемирная профессиональная ассоциация по здоровью трансгендерных людей.
2. «Транссексуализм».
3. Гендерно-аффирмативная помощь — помощь, в которой сочетаются уважение, принятие и поддержка идентичностей и жизненного опыта трансгендерных и небинарных людей.
4. Гендерная дисфория — форма стресса, который человек испытывает из-за несовпадения между своей гендерной идентичностью и полом, приписанным при рождении.
5. «Конверсионной терапией» называют методики, которые якобы могут изменить сексуальную ориентацию или гендерную идентичность ЛГБТК+ людей. Для этого применяют в том числе физическое, психологическое и сексуализированное насилие, электрошок, принудительное лечение, изоляцию и заключение, словесные оскорбления и унижения.